

УДК 94 (517)

БАЗАРОВ Борис Ванданович — доктор исторических наук, академик РАН; директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazarov60@mail.ru)

НОЛЕВ Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В XVII в.

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений о власти и государственности у монгольских народов, разработанных и зафиксированных в памятниках права XVII в. Рассматривается трансформация политических представлений в условиях постепенной утраты суверенитета монгольских политий, вошедших в состав маньчжурского государства либо принявших подданство «белого царя». Исследование базируется на анализе письменных юридических и исторических памятников: «Восемнадцать степных законов», «Их цааз» [Великое уложение], «Цаджин бичиг» [Монгольское уложение], «Правдивые записи о монголах династии Цин», «Статейный список посольства томского сына боярского С. Греченина и подьячего А. Самсонова к Алтын-хану».

Ключевые слова: государственность, монгольские народы, империя Цин, Россия, «Восемнадцать степных законов», «Их цааз», «Цаджин бичиг»

Настоящая статья является продолжением исследования представлений о власти и государственности в монгольских правовых памятниках XIII–XIX вв. [Базаров, Хишигжаргал 2016; Нолев 2017]. XVII в. стал временем геополитического передела в истории Внутренней Азии, связанного с утратой независимости монгольскими ханствами — постепенным их вхождением в состав Цинской империи и формированием на востоке контуров будущих территорий Российского государства, населенных монгольскими народами. С этого периода можно наблюдать две определяющие тенденции в развитии права монгольских народов: внутренняя, обусловленная эволюцией собственных правовых норм, сформировавшихся в постимперский период, и внешняя, представленная влиянием правовых традиций Цинской и Российской империй, усиливающихся по мере интеграции монгольских политий в политическое и правовое пространство соседних государств. Наряду с отмеченными ранее достоинствами изучения правовых памятников с целью раскрытия особенностей формирования и функционирования институтов власти в кочевом обществе, заключающимися в высокой степени объективности и отсутствии авторской интерпретации, изучение монгольской истории XVII в. через правовые акты обнаруживает новые преимущества. В этот период концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления о верховной власти, находится в стадии формулирования [Скрынникова 2014: 27]. Следовательно, анализ нормативных актов способствует более предметному пониманию монгольской политической культуры.

Представления о власти и государственности у монгольских народов в XVII в. фиксируются в законодательных памятниках «Восемнадцать степных законов», «Их цааз» (Великое уложение), «Цаджин бичиг» (Монгольское уложение). Документы по истории русско-монгольских отношений этого периода позволяют реконструировать правовые основы взаимодействия и формирование солидарных позиций по вопросам подданства.

Принятие «Восемнадцати степных законов» исследователи датируют концом XVI – первой третью XVII вв.¹ Будучи результатом коллективной законодательной деятельности чулганов – съездов крупнейших князей Северной Монголии, – «Степные законы» отражают стремление к сплочению и консолидации в условиях нарастания внешней угрозы, а также изменения, происходившие в социально-политическом развитии, требующие правового регулирования.

«Их цааз» было принято на съезде влиятельнейших правителей Халхи и Джунгарского ханства, состоявшемся в сентябре 1640 г.² Принятие «Их цааз» свидетельствовало о новой геополитической ситуации в регионе – вхождении Внутренней Монголии, представители которой не принимали участия в работе съезда, в состав Маньчжурской империи, с одной стороны, и намерении объединить усилия Халхи и Джунгарии с целью преодоления внутренних противоречий и совместного противостояния потенциальной агрессии со стороны усиливающегося маньчжурского государства – с другой.

Включение Монголии в состав Цинской империи вызвало необходимость составления свода законов, сочетающего как нормы маньчжурского права, разработанные специально для монголов, так и нормы монгольского обычного права. С 1636 г. маньчжурское законодательство в форме монгольских уложений распространялось на территории Внутренней Монголии, а с 1691 г. специальной комиссией палаты внешних сношений (Лифаньюань) стала осуществляться деятельность по разработке новых и унификации старых законов, в результате составивших «Цааджин бичиг»³.

Большой вклад в понимание политических идей, их генезиса и развития в монгольском и маньчжурском законодательстве XVII в. вносит изучение исторического памятника «Дайчин улсын монголын магад хууль» (Правдивые записи о монголах Цинской империи), опубликованного в 2013 г. на старописьменном монгольском языке в г. Хух-Хото Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Этот труд был составлен на основе монгольской версии «Правдивых записей о правлении династии Цин», хранящейся в Историческом архиве № 1 г. Пекина. «Правдивые записи о правлении династии Цин», или «Цин ши лу», как известно, представляя собой наиболее полное собрание официальных документов времен правления императоров династии Цин, записанных по-дневно. Данные записи лишены интерпретации составителей, что, наряду с официальным характером и важностью включенных документов, характеризует этот источник как один из наиболее объективных по истории династии Цин. В настоящее время специалисты из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН занимаются переводом и исследованием этого труда.

Власть хагана в XVII в. определяется рядом характерных черт: наряду с сужением территориальных границ власти хагана оставалось в силе ее сакральное и номинальное значение. В традициях монгольского общества хаган был проводником *törö* – универсального высшего закона, посредством которого происходила персонификация политической власти в личности правителя. Символика и атрибуты имперской власти в постимперский период не только сохраняли свою актуальность, но и, возможно, имели регулятивное значение в межплеменных отношениях. Титул «хаган», являвшийся маркером верховной власти, по замечанию Т.Д. Скрынниковой, в XVII в. мог использоваться различными правите-

¹ *Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв.* (пер., комм., иссл. А.Д. Насилова). СПб: Петербургское востоковедение. 2002. С. 7.

² *Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в.* (отв. ред. Г.Д. Санжеев). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1981. 148 с.

³ *Цааджин бичиг (Монгольское уложение). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг.* (введ., монг. текст, трансл. монг. текста, пер. и комм. С.Д. Дылкова). М.: Восточная литература, РАН. 1998. С. 8.

лями в целях повышения авторитета своего правления [Скрынникова 2008: 467], однако при этом продолжал служить символом политического единства монголов. Усиление ханской власти проявляется к этому времени также в возможности на законодательном уровне регулировать частнопрововые отношения своих подданных, о чем свидетельствует Уложение Алтан-Хана [Почекаев 2011: 108].

В монгольских законах XVII в. особо регламентируется социальный статус лиц, принадлежащих к ханскому роду. Так, согласно «Закону шести хошунов» и «Великому закону года обезьяны» за оскорбление человека ханского происхождения и его жены, а также проявление недоброжелательства со стороны простоянина полагалась смертная казнь и конфискация имущества. Аналогичная санкция предусматривалась за оставление человека ханского происхождения на поле боя во время сражения¹. Согласно «Их цааз» за оскорбление владетельных князей обидчика было положено разорить.

Развитие концепции союза «алтаря и трона», впервые обозначенного в «Чаган тэукэ», в монгольских законодательных памятниках XVII в. отражается в особом социальном статусе служителей религии. Укрепление позиций буддийской церкви в рассматриваемый период было связано с усилением значения сакральной составляющей легитимации власти в условиях возрастающей династийной конкуренции. Рост влияния буддизма отражен в преамбулах некоторых правовых памятников, где упоминание следования учению является гарантом легитимности принимаемых законов.

Стремление к консолидации и единству фиксируется в таких памятниках права, как «Восемнадцать степных законов» и «Их цааз» (Великое уложение). В «Степных законах», на наш взгляд, отражается имманентное стремление к самоорганизации, целостности, общности, порядку и стабильности в условиях сохранения внешней угрозы, в то время как создание «Их цааз» преследовало цель объединить Монголию и положить конец междоусобицам перед лицом нарастающей маньчжурской агрессии. «Степные законы» направлены на сохранение мира среди аристократии. Так, на ханов, обнаживших друг на друга холодное оружие, налагался крупный штраф в размере тысячи лошадей и ста верблюдов. За распространение клеветы между нойонами назначалась смертная казнь. В «Степных законах» зафиксированы нормы коллективной безопасности, предусматривающие в качестве карающей санкции смертную казнь и конфискацию имущества за несообщение о прибытии большого войска и высокие штрафные санкции за оставление поля боя². Высоко оценивается также значение съездов. Человек ханского происхождения или нойон в случае отсутствия на съезде должен был уплатить штраф в размере от десяти верблюдов и ста лошадей до ста верблюдов и тысячи лошадей.

В 20-х гг. XVII в. Нурхаци заключил договоры «о союзе и дружбе» с рядом монгольских княжеств. Съезд 49 южно- и восточномонгольских князей 1636 г., на котором было принято решение о подчинении Внутренней Монголии маньчжурам, ознаменовал начало процесса интеграции монгольских ханств в состав Китайской империи, который завершился Доломорским съездом князей 1691 г. Вхождение монгольских территорий в состав маньчжурского государства потребовало выработки новых и систематизации имеющихся законов для управления вновь приобретенными территориями.

Идейное содержание политики маньчжуров в XVII в. относительно законодательства для монгольских народов раскрывается в «Правдивых записях о монголах Цинской империи». В документе, датированном 1623 г., во время пира по случаю присоединения к маньчжурскому государству 17 нойонов урудского племени,

¹ *Восемнадцать степных законов...* С. 55.

² Там же. С. 41, 43, 55; *Их цааз (Великое уложение)...* С. 15.

Нурхаци сравнивает монгольские и маньчжурские законы, приходя к выводу о преимуществе последних. «Закон нашего государства справедлив и надежен. Придерживаясь его, мы не подавляем, а превозносим образованных и хороших людей, не терпим плохих и мятежных людей, поэтому у нас нет воровства, обмана и беспорядков... Небо благоволит нам. Небо осуждает то, что ваши монголы с четками в руках читают молитвы, думая, что вокруг нет воровства и обмана. Это дурманит сознание ваших нойонов, отчего страдает народ. Сейчас вы прибыли ко мне. Образованных людей я буду содержать за их знания. Малообразованных людей я также буду содержать за то, что они пришли ко мне. Не занимайтесь хищением и мошенничеством, в противном случае придется поступить согласно нашему закону»¹. В указе Хун Тай-чжи (Абахая) от 1634 г. о звании сановников государства отмечалось: «Народы, пришедшие под власть по воле Неба, жили по своим законам, не стремясь к взаимодействию. Они не отказывались от родного языка, переходя на языки других народов. Если не забывать своих корней, то можно существовать вечно. После того как нойоны Монгольской империи, отказавшись от своего языка, стали именовать себя тибетскими словами, власть их ослабла. Сейчас звания сановников нашей империи звучат по-китайски. Нет ничего хорошего в том, чтобы, зная достоинства, отвергать их, зная недостатки, относиться к ним необдуманно. Разве могу я, унаследовав власть, менять закон нашей империи, подстраиваясь под законы других народов? Отныне и впредь для званий сановников нашего государства, а также названий городов следует использовать язык нашего народа»².

Таким образом, формирование маньчжурских законов для монголов в XVII в. совпало с конструированием цинского законодательства в Китае. В такой ситуации весьма обоснованным представляется стремление маньчжуров сочетать в практике управления присоединенными территориями законы для отдельных частей империи с нормами традиционного права. Более того, в одном из указов Канси говорилось: «Пусть халхасцы, которые объединились, пока соблюдают собственные законы». Это свидетельствует о временном признании традиционного монгольского права и его большом значении при разработке соответствующих правовых норм. К тому же в начальный период маньчжурского правления чиновники, осуществлявшие политику Цинской империи в Халхе, были монголами по происхождению [Базаров, Хишигжаргал 2016: 164, 165].

Официальный свод законов для монголов «Цааджин бичиг» 1696 г. определил статус Монголии в составе Цинской империи, закрепив верховную власть императора маньчжурской династии. Примечательно, что наряду с изменением административно-территориального устройства Внешней Монголии маньчжурами была сохранена пограничная застава, отделяющая Внешнюю Монголию от Китая³. Суверенная власть монгольских князей была ликвидирована. Устанавливался порядок присвоения титулов и званий, назначений на должности, определения прав и обязанностей монгольских князей перед цинскими правителями. Ритуальное обеспечение признания власти маньчжурского императора заключалось в церемониале коленопреклонения с земными поклонами, регламентацией, касающейся одежды, знаков отличия и определения мест на официальных приемах. Вместе с тем, выстраивая развитую иерархическую модель власти, цинские правители предусмотрели сохранение наследственных привилегий для представителей местной элиты и их поощрение в случае эффективной службы. Весьма показательной в плане заботы о сохранении высо-

¹ *Daijing ulus-un mongyul-un mayad qauli (True Records of the Mongols of the Qing Empire)*. Vol. 1. Hohhot: The Center of Education of Inner Mongolia publ. 2013. P. 69.

² *Ibid.* P. 228.

³ *Цааджин бичиг (Монгольское уложение)*... С. 55.

кого социального престижа князей в монгольском обществе является статья Монгольского уложения: «Если кто-нибудь [при встрече] не назовет полностью титулы, которыми удостоены ваны, дзасак-нойоны, хошунные тайджи или гуны, то оштрафовать его на один девяток бодо»¹.

Установление контактов монгольских народов с российским царством в этот период было синхронным по времени, но не тождественным по содержанию, что предполагало выработку иных правовых механизмов. Главным вопросом в поле правового взаимодействия был вопрос принятия российского подданства, получивший разную интерпретацию в монгольской и российской правовых традициях. Согласно русской трактовке подданства ясак являлся неременным атрибутом монопольного управления определенной группы населения [Трепавлов 2007: 179], в то время как монголы рассматривали подданство как систему более-менее равноправных отношений, предполагающих определенные льготы и привилегии в обмен на выплату ясака и военную службу, оставляющих право выхода из подданства или смены сюзерена [Почекаев 2013: 86]. Алтан-ханы под дачей шерти понимали заключение договора о дружбе и взаимопомощи, паритетного союза с целью получения военной помощи и торговли [Чимитдоржиева 2006: 66]. К тому же персонификация отношений подданства приближенных хана в монгольской политической культуре не считалась тождественной распространению статуса подданства на самого правителя. Р.Ю. Почекаев отмечает, что на правовом закреплении русско-монгольских отношений сказались проблемы, связанные с разветвленностью и запутанностью приказной системы, дублированием, а иногда и неопределенностью их функций [Почекаев 2013: 91]. Так, регулирование различных аспектов русско-монгольских отношений находилось в ведении Посольского, Сибирского, Патриаршего и Казенного приказов.

Таким образом, монгольские правовые памятники XVII в., с одной стороны, отражают эволюцию традиционных для политической культуры монгольских народов представлений о власти и государственности, воплощенных в стремлении к консолидации и укреплению верховной власти, с другой – фиксируют новые реалии поэтапного подчинения цинским императорам на востоке и принятия подданства «белого царя» на западе. Нерчинский трактат 1689 г. и Долонорский съезд князей 1691 г. закрепили новую систему отношений в монгольском мире, утвердив вектор развития государственности и права монгольских народов в исторических и правовых координатах России и Китая.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

Базаров Б.В., Хишигжаргал Г. 2016. Правовые основы системы управления Внешней Монголией в период маньчжурского господства (XVII – начало XX в.). – *Власть*. № 11. С. 164-169.

Нолев Е.В. 2017. Представления о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов XIII–XVII вв. – *Власть*. № 10. С. 162-166.

Почекаев Р.Ю. 2011. Уложение Алтан-хана – монгольский правовой памятник второй половины XVI века. – *Правоведение*. 2011. № 1. С. 89-109.

Почекаев Р.Ю. 2013. Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений в XVII в.). – *Studia Culturae*. № 18. С. 85-93.

¹ Там же. С. 67.

Скрынникова Т.Д. 2008. Политическая организация Халхи XVI–XVII вв. — *Монгольская империя и кочевой мир: материалы международной научной конференции*. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 463–497.

Скрынникова Т.Д. 2014. Социально-политические институты монголов XVII в. — *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. № 1. С. 14–28.

Трепавлов В.В. 2007. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М.: Восточная литература. 255 с.

Чимитдоржиева Л.Ш. 2006. *Русские посольства к монгольским алтан-ханам XVII в.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 156 с.

BAZAROV Boris Vandanovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences; Director of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazarov60@mail.ru)

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, Cand.Sci. (Hist.). Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; nolev@inbox.ru)

REPRESENTATIONS OF POWER AND STATEHOOD IN THE LEGAL HERITAGE OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE 17TH CENTURY

Abstract. The article studies the perceptions of power and statehood of the Mongolian peoples, which were reflected in sources on juridical matters in the 17th century. The study of legal history of the Mongolian peoples enables us to reveal the peculiarities of shaping and functioning of state institutions and the evolution of perceptions about its subject and boundaries in the historical retrospective. The set of objective legal monuments forms a valuable historical source. On the one hand, they reflect the status quo they are designed to regulate; on the other hand, they shape goals and imperatives of social development. In addition, being official documents that construct the historical reality, these historical sources are devoid of personal interpretation. This, however, did not preclude the possibility of their further editing in order to adapt them to new ideological objectives. The study is based on such written legal and historical monuments as «Ik Tsaaz» (The Great Statute of 1640), «Eighteen Steppe Laws», «Tsaadzhin bichig» (Mongolian Code), «True Records of the Mongols of the Qing Empire» and others.

Keywords: statehood, Mongolian peoples, Qing Empire, Russia, «Eighteen Steppe Laws», «Ik Tsaaz», «Tsaadzhin bichig»
